

Авдеенко И. А.
I. A. Avdeenko

СЕМАНТИЗИРУЮЩИЕ СОЧЕТАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ СИМВОЛОВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ

SEMANTIZING COMBINATIONS OF KEY SYMBOLS IN FAR-EAST POETRY

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature Studies of the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 17 Kirov str. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Аннотация. В статье представлены результаты анализа текстов поэтических подборок журнала «Дальний Восток» за 2013–2017 годы на предмет взаимосемантизирующих общих контекстов упоминания символов. Показано, что символы *земли, неба, глаз, души, травы, снега, воды, звезды, ночи, креста, реки* и другие образуют систему. Данное описание может использоваться для сопоставительного анализа символической семантики и языковых картин мира.

Summary. The article presents the results of the analysis of the texts of the poetic collections of the magazine «Far East» for 2013–2017 with a view to mutually antisense general contexts of mentioning symbols. It is shown that the symbols *earth, sky, eyes, soul, grass, snow, water, star, night, cross, river* and others form a system. This description can be used for a comparative analysis of symbolic semantics and linguistic pictures of the world.

Ключевые слова: символ, сочетаемость, семантизация, семантика, дальневосточная поэзия.

Key words: symbol, compatibility, semantization, semantics, Far Eastern poetry.

УДК 007;81;82

Работа выполнена в рамках гранта правительства Хабаровского края на реализацию проектов в области гуманитарных и общественных наук по теме «Ключевые символы дальневосточной поэзии как основа для эффективной социальной коммуникации» № 143/2018Д

Актуальность исследования семантизирующих сочетаний ключевых символов и их ассоциаций в дальневосточной поэзии определяется двумя факторами. Во-первых, творчество поэтов Дальнего Востока выражает представления дальневосточников о мире, крае, жизни в регионе, однако эти представления до сих пор не подвергались изучению. Во-вторых, исследование возможностей сочетаемости символов для описания их систем и соответствующих им фрагментов картины мира – относительно новый подход, который требует апробации на различном культурном материале. В данном случае использован материал поэтических подборок журнала «Дальний Восток» за 2013–2017 годы. Названный состав ключевых образов поэзии Дальнего Востока не является исчерпывающим и ограничен допустимым объёмом публикации.

При анализе текстов дальневосточной поэзии использована программа статистического семантического анализа текста TextAnalyst 2.0 [2].

По данным анализа текстов, центральным символом дальневосточной поэзии является *небо*. Образ *неба* противопоставлен образу *земли*, но парадоксально связан с ним, что выражается в регулярном использовании символов в одном контексте и особенностях контекстуальной семантизации.

Небо и *земля* обладают зависимыми свойствами: «В большое *небо* над большой *землёй* / взошёл закат, пролив багрянец ясный» (Лада Магистрова «Час пик»); «Под новым *небом* новой

быть *земле!*)» (Элла Крылова «Голос безмолвия»). При этом *небо* и *земля* одинаково недоступны: «И наша эфемерная планета так далека от *неба* и *земли*» (Дмитрий Сорокин «Покуда мы ещё не родились»); «Будучи в таком положении между недоступным *небом* и ненужной *землёй*, / Думая о своём положении, о себе, как ненужном *небу* / и пока недоступном *земле...*» (Виталий Бурик «Отражение»); «Ни с *земли*, ни с *неба* нет ответа» (Светлана Супрунова «Мало жизни в сердце...»).

Вместе с тем образы-символы *неба* и *земли* – это ориентиры, к которым стремится человек: «Суеты фавориты / Уходят под *землю*, / только Вечности слуги на *небо* восходят (Андрей Земсков «Постигая азы Векового молчанья...»), при этом *небо* ассоциируется с будущим *земли*: «Мир устроен не так нелепо, как нам чудится в дни печали, / Ведь *земля* – это то же *небо*, только в самом его начале» (Игорь Царев «Ангел из Чертаново»); «Это значит, что ты бесконечный Орфей – / весь земной от *земли* и до самых бровей, / ну а выше ты, *небо* – поэзия мира, / и в объятьях твоих стонет новая лира (Анна Золотарева «Ты иди, ты иди...»).

Земля для человека определяется как «родная»: «На этой горькой и *родной* единственной *земле*» (Лада Магистрова «Час пик»); «Мы плывём к *родной земле*» (Евгений Иваницкий «Моряки»); «Велика *земля* моя *родная*» (Олег Маслов «Такие в жизни перемены...»).

Именно человек (поэт) может реализовать связь между *небом* и *землёй*: «И под *небом* огромным всю ночь до утра / <Я> Стану греть своим телом остывшую *землю*» (Виктор Брюховецкий «Завернусь в дождевик и свернусь у костра...»); «Я был частью Вселенной и крохотным сердцем своим / Ощущал, как из мрака *земли* пробиваются всходы, / Как зерно умирает и *небо* рыдает над ним» (Иван Волосюк «Оживаю для слова...»); «Я тонкая трепещущая хорда, протянутая с *неба* до *земли* – / Я и была такой, но кто б заметил» (Любовь Колесник «Я буду снова. Как-нибудь потом...»); «Поэт ходил ногами по *земле*, а голову прикоснулся к *небу*» (Ксения Некрасова «Рублев. XV век»).

Символ *неба* в дальневосточной поэзии регулярно сочетается с символом *души*, который в свою очередь семантизируется посредством использования одних и тех же контекстов с символами *тела*, *сердца*, *нежности*. Из контекстов видно, что *душа* стремится к *небу*: «Легко по *небу* ехать пассажиру, коль весь багаж его – одна *душа*» (Андрей Земсков «Сон»); «В точке молчания в *небо* стремится *душа*» (Иван Шепета «Долгой ходьбой утомив богатырскую кость...»); «Как губы и зубы немели, / И в *небо* взмывала *душа*» (Юрий Гладкевич «Моя Месхети»). При этом *душа* и *тело* – две ипостаси человека, которые трагически разорваны: «Паралич *души* / В целом, здоровом *теле*» (Алексей Черкасов «Сердце твоё»); «*Тела* давно живут от *душ* отдельно» (Марк Богославский «Повествовать? Нет, выплакаться, выпеть...»); «Что тут скажешь, *тело*-то согрето, / Только вечно холодно *душе*» (Светлана Супрунова «Преет сено в скирдах залежалых...»); «Что мне делать с собой, я в *теле* моём живу, / словно гость или враг, и женского нет ни капли / ни в *душе*, ни в мыслях!» (Майя Шварцман «Подросток»). Единственное, что связывает *тело* и *душу*, – это *сердце*: «клик журавлей над озимью зелёной, / вдохнул живую *душу* в *сердце* клёна» (Лада Магистрова «Час пик»); «Что в них – ни фальши, ни апломба, / Лишь *сердца* сорванная пломба с неуспокоенной *души*...» (Игорь Царев «Недописанное»); «Наши *души*, заштопать их, / *Сердцу* певчому дать свободу и, как будто живую воду» (Андрей Земсков «Игорю Цареву»). Основным же атрибутом *сердца* является *нежность*: «И жалость к зимним веточкам нагим, и их изысканная утончённость / лелеют в *сердце нежность*» (Элла Крылова «В Золотой обители Будды»); «Много стаяло с *сердца* снегов, / Чтобы *нежности* вышла река» (Кселена Литвинова «Нежность»); «И *сердце*, словно лунная тарелка, / ей отвечает *нежностью* самой» (Игорь Муханов «И логин “lessibiri” был таков»).

Символом стремления человека связать *землю* и *небо* является *трава*. Это выражается в регулярном использовании данных символов в общем, взаимосемантизирующем контексте: «И не силой, но нежностью *травы* / Пробивают жестокость *земли*» (Дарья Уланова «Городу В с любовью»); «Растут, цветут и вызревают *травы*: ведь у *земли* / всегда найдётся место для семечка упрямого, живого <...> Сердце – родней родного – чутко тебе внимало, / чтобы *земля* рожала, *травы* всходили в рост» (Лада Магистрова «Час пик»). При этом трава символизирует связь с предками, в том числе разорванную: «Но скажет угрюмо безногий Демьян: / Все травы скосила

коса до цветенья, / И *травы* не бросили в *землю* семян» (Михаил Анищенко «Весна. 1945»); «Я живой, а мёртвые – нет. / Тянут руки из-под *земли*, / Раздвигают горы вдали, / Пляшут ночью в чужой *траве*» (Илья Штуца «Муравьиный след»).

Аналогом *души* человека в случае с его представлением в виде *травы* выступает *запах*. На это указывает совместное использование символов *запаха* и *травы* в общих контекстах: «*Запах* *трав* лесных здесь навевают сны» (Илья Штуца «Деревянные песни»); «и вздохов волн, и *запахов* разных *трав*, / при свете масляного светильника / вывожу на папирусе» (Элла Крылова «Пасха»); «Душу *запахом трав* напитал» (А. С.Брейтман «Магеллановы облака»). Вместе с тем и *земля*, и *трава* представляются скрытыми под *снегом* и выходящими из-под него. Этим определяется совместное использование символов *земли* и *снега*: «И в *снегах* приамурской *земли* на зимовку не могут остаться постаревшие журавли» (Александр Дракохруст «Я всё это помню...»); «И чудно было сочетание: я в платье бархатном, дворец и белый *снег* в ветвях и на *земле*» (Ксения Некрасова

«Из года в год...»); «К концу февраля на поверхность выходит *земля* неспешной медведицей, всласть належавшись под *снегом*» (Майя Шварцман «Фландрия»); «На *землю* ляжет глухо, краски украдёт, / Засыплет *снегом* всё и вся вокруг меня» (Евгений Назаренко «Мне будет не хватать тебя, осенний лес...»).

Обращённость человека к *небу* выражается совместным использованием и взаимосемантизацией символов *неба* и *глаз*: «*Небо* поблекнет, цвет отдавая *глазам* твоим» (Алиса Саитбаталова «Молитва о скрипаче»); «Мне *глаза* ослепило неистойвой синью, / будто *небо* спустилось по склонам крутым и манило к себе» (Александр Дракохруст «Синие сопки»); «И *небо* впитывало их – все эти запахи и стоны, / и *глаз*, бесслёзных и сухих, оживших на единый миг, мгновенный просверк обречённый» (Юрий Гладкевич «Кто-то же просил»); «А *небо* сияет лазорево-розовым глянецом / И режет *глаза*» (Лидия Люблинская «Конец февраля...»); «Я бы оставшимся *глазом* только на *небо* смотрел» (Глеб Гуров «Блюз солдата у Стены Плача»).

Символ *глаза* используется в общем контексте с символом *слёз*: «С полотенца белых ресниц / *Слёзы* вдруг ручьём полились, / словно из заплаканных *глаз* / Капельки воды брызжут в таз» (Лилия Яшина «Женщина стирает бельё»); «В этот день было столько света, / Что *слезились* у всех *глаза*» (Андрей Земсков «Игорю Цареву»); «только *слеза* застилает *глаза* – / белая роза дрожит на рояле» (Сергей Сутулов-Катеринич «Сначала – навзрыд»).

Вместе с тем *глаза* – атрибут *друга*, на это указывает использование этих символов в общих контекстах: «Час настал, и мы посмотрели *друг другу* в *глаза*» (Марина Савченко «Это зеркало в бронзовой оправе...»); «Но худо дело: эта блёстка / к своим добытчикам строга, / не кажет *глаза* из песка, / хотя песок, наш *друг* стержозный, / “по паспорту” – золотиносный» (Ефим Гаммер «Сибирские реалии»); «Только не деритесь, не выцарапывайте *друг* дружке *глаза*» (Дмитрий Близнюк «Письма патриция»).

Образ *глаз* ассоциируется с образами *ночи* и *тьмы*: «Я верю – есть стрекозы *ночи* с большими умными *глазами*» (Игорь Муханов «Я верю – есть стрекозы ночи с большими умными глазами»); «Рыбьим *глазом* смотрел на луну, а в *ночи* – / Очертанья предметов пугающи» (Иван Волосюк «Я за рыбным обозом пытался успеть...»); «Нам есть, о чём молчать / *глаза* в *глаза* в наш суетливый век – / всем тем, кому не спится по *ночам*, / кому всё снится твой солёный снег» (Лада Пузыревская «Солёный снег»); «И, завершив дела, мерить *глазами* *тьму*» (Дарья Уланова «День»); «В его *глазах* и над вашими головами оно из *тьмы* появляется одновременно» (Юлия Никитенко «У моего любимого глаза цвета неба...»); «Плутать во *тьме* крошечной, / фонарный щуря *глаз*» (Александр Куликов «Снегу»).

Как *глаза* человека выражают его устремлённость к *небу*, так *звёзды* в символическом смысле обращены ночным *небом* к человеку: «Много в *небе* *звёзд* ночной порою» (Олег Маслов «С давнего, невесть какого года...»); «В полночь, когда в *небе* *звёзды* маячат, / она, как ребёнок обиженный, плачет» (Евгений Кохан «Бедная бабулька»); «По *ночам* над маковкой резною / Дремлет в *небе* яркая *звезда*» (Лариса Подистова «Осень жизни – разноцветный терем...»);

«Никого. Покой вселяют / темнота и тишина, / только *звёзд* глаза сияют» (Тая Немова «Будет поздно или рано...»).

Именно эта обращённость даёт человеку надежду: «Пусть, как с *неба звёздочка*, / На ладони – кремешек» (Марина Самаркина «Шаром, колесом ли...»); «Но теперь ищу я всё чаще / Ту *звезду* на *небе* высоко» (Андрей Земсков «Чтобы век до срока не сгорбил...»); «И *звёзды* с *неба* падали, как манна, / Всё обещало радость без обмана» (Роальд Добровенский «Лампа Аладдина»); «Приветливо с *неба* кивает *звезда*, предчувствуя бога ли, сына ль Иосифа» (Майя Шварцман «Перепись населения»); «Быть зиме снежной – без ветра дым по земле клубится, / *звёзды* мигали *ночью*» (Майя Шварцман «Примета»); «Свежесть мокрых ракушек, что надо / Собирать вам, как *звёздочки* в *ночь*» (Клавдия Матухина «Для того и нужны океаны...»); «Это *ночь*, и *звёзды* есть неоткрытые камни» (Николай Красноштан «В алмазных снегах изумрудные создания...»).

Символ *звезды* в контексте символики *неба* совмещается с символом *креста*: «А там, вдали, на краешке земли, / Столетиями неслыханно раздольной, / Стояли под десницею престольной / Усыпанные *звёздами кресты*» (Валентина Беляева «Закат сползал в небесный перевал...»); «От этой смертной суеты / мне хочется освободиться, / забыть все *звёзды* и *кресты*, / кровавые от боли / лица» (Геннадий Миронов «Контратака»); «И вмещает в себя она *звёзды*, *кресты* и горы» (Елена Добровенская «Ион»).

Символическим аналогом образа *слезы* в контексте символики *неба* является образ *воды*, отсюда общие контексты использования символов *воды* и *неба*: «Звукам не удержаться, когда на дорогах *вода* – / Продолжение *неба*» (Владимир Нечаев «Звукам не удержаться...»); «С *неба вода* льётся, а я ни капли не пророню» (Юлия Никитенко «Осень. Красен кленовый лист...»); «Ты в сумерках вязнешь, но всё же идёшь туда, / где *небо*, почти обмелев, пропадёт в человеке, / становишься воздухом, запахом книг, аптеки, / настоек, что пьются по осени, как *вода*, / глоток, и не вспомнишь, чем принято жить, какой / слепой часовщик шестерню оголтело вертит?» (Олег Горшков «Ветреное»).

Атрибутивным символическим признаком *воды* являются холод и солёность: «До чего же *вода холодна* – не напиться!» (Виктор Брюховецкий «Уподоблюсь ворону-сычу...»); «Открыла кран с *водой холодной* – / Её не вспомнила *вода*» (Светлана Супрунова «Водопроводная вода»); «Войди в мой дом, в безмысленную речь, в мой жаркий дом, в *холодную водицу*» (Евгения Баранова «Царапинка»); «Плачешь – но в глаза, наоборот, / вспять идёт *солёная вода*» (Анна Золотарева «Лето обернулось комаром...»); «Погода лётная, *солёная вода*» (Андрей Земсков «Слишком остро, конечно же, всё это слишком остро...»); «Комнату вмиг заполняет *солёной* морской *водой*» (Дарья Стаханова «Она»).

Символическим результатом влияния *неба* на *землю* представляется *река*: «И солнце алым поплавком качает / Моя *река* в сиреневой *воде*» (Лада Магистрова «Час пик»); «Мимо нас с тихим плеском / Несёт свои *воды река*» (Валерий Скобло «Не кончается жизнь от того...»); «В тёмных *водах* осенней *реки*» (Алексей Сахатский «В тёмных водах осенней реки...»). При этом по аналогии с *землёй* и *снегом* *вода (река)* ассоциируется со льдом: «Снаружи на ветках лежал он, как звон колокольный, торжествен, / чист, будто *вода* подо *льдом*, и звенящ, будто лёд у закраин» (Александр Куликов «Рэндзю на тему стихов Роберта Блая»); «И превращается *вода* / В *лёд*, что чернеет под ногами» (Вадим Воеводин «Романс»); «Повсюду я видел покинутые развалины, безжизненные руины, законсервированные подо *льдом реки*» (Александр Куликов «Оттого, что стекло...»); «Блестит и светит *льдами-линзами реки*» (Тая Немова «Будет поздно или рано»); «Но хранит до срока земные сны / Подо *льдами* Амур-*река*» (Елена Ковалева «Только всё же весна»).

При этом символ *солнца* связан с символом *неба* опосредованно, через символ *воды*: «И *солнце* алым поплавком качает / моя река в сиреневой *воде*» (Лада Магистрова «Час пик»); «Искрятся узоры в амурской *воде*, и *солнце* блестит на хабаровских крышах» (Галина Горбатенко «Летнее»); «Ярко-красное *солнце* в закаты / Долго тонет, касаясь *воды*» (Иван Шепета «Ярко-красное солнце в закаты...»); «Где-то в космосе, *солнцем* пригреты, / Эти массы зелёной *воды*» (Клавдия Матухина «Для того и нужны океаны...»); «А ежели *солнце* бросит / На *воду* бликов

смех» (Евгений Вольгушев «Про море и про меня»); «Грызёт он горький стебелёк ромашки, / По пояс стоя в *солнечной реке*» (Андрей Шевцов «Кондуктор сидит на канистре с водой...»).

Таким образом, анализ сочетаемости символов в дальневосточной поэзии позволяет описать специфическое мировидение поэта-дальневосточника, отражающее представления о взаимосвязях объектов и явлений жителями Дальнего Востока. Полученное описание в дальнейшем позволит определить общие (свойственные русской культуре поэзии в целом) и уникальные (свойственные дальневосточной культуре и поэзии) свойства этой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дальний Восток: литературно-художественный журнал. Хабаровск, 2013–2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litjournaldv.ru/index.php/archive> (дата обращения: 15.06.2018).
2. TextAnalyst 2.0 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.analyst.ru/index.php?lang=eng&dircontent/products/&id=ta> (дата обращения: 15.06.2018).